

УДК 821.111-94(492)
ББК 84(4Нид)-44
Н61

Marieki Nijkamp
THIS IS WHERE IT ENDS

Copyright © 2016 by Marieki Nijkamp

Нийкамп, Марике.

Н61 54 минуты. У всех есть причины бояться мальчика с ружьем / Марике Нийкамп ; [перевод с английского]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-110206-7

Душный актовый зал. Скучная речь директора. Обычное начало учебного года в школе Оппортьюнити, штат Алабама, где редко происходит что-то интересное.

Пока не гремит выстрел... Затем еще один и еще. Парень с ружьем, который отчаялся быть услышанным.

Кто над ним смеялся? Кто предал? Кто мог ему помочь, но не стал? Они все здесь, в запертом актовом зале. Теперь их жизни зависят от эмоций сломленного подростка, который решил, что ему больше нечего терять...

Абсолютный бестселлер в Америке. Лауреат книжных премий.

В русское издание включено послесловие психолога Елены Кандыбиной, в котором она рассказывает о причинах стрельбы в школах и дает советы, как эту ситуацию предотвратить.

Используй хештег #54минуты, чтобы поделиться своим мнением о книге.

УДК 821.111-94(492)
ББК 84(4Нид)-44

Cover image © Mark Watson (kalimistuk) / Getty Images
© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2020
ISBN 978-5-04-110206-7 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Маме с любовью

ГЛАВА ПЕРВАЯ

10:01 — 10:02

КЛЕР

Выстрел стартового пистолета нарушил тишину, и бегуны сорвались с места.

Беговой сезон начинается через пару недель, но никто не сказал тренеру Линдту про зиму. Он убежден, что единственный способ держать нас в форме — это тренировки. Даже когда дыхание замерзает прямо на глазах.

Мы живем в Оппортьюнити, штат Алабама. Нормальные люди, когда на улице становится бело и морозно, вообще не выходят из дома. Мы запасаемся консервами, пьем горячий шоколад до сахарной комы и молимся о спасении от холода.

Но тренировки в начале сезона у тренера Линдта по утомительности способны превзойти даже длинные и нудные речи директора Трентон в начале семестра — добродетель, упорный труд и достойное поведение, юные леди и джентльмены. После почти четырех лет, проведенных в старшей школе Оппортьюнити, я могу цитировать ее слова наизусть, что и сделала для Мэтта за завтраком се-

годня утром — ответственность, возможности («извините за невольный каламбур»)¹ и ее любимое, девиз нашей школы: «*Мы формируем будущее*».

Все это звучит прекрасно, но до выпускного осталось несколько месяцев, а я не представляю, как же выглядит это самое будущее. Если меня сформировала Оппортьюнити, то я этого не заметила. Вот бег я понимаю. Этот трек я понимаю. Шаг за шагом, шаг за шагом. Неважно, что ждет впереди, пока я двигаюсь вперед.

И тут я поскользнулась и спотыкаюсь.

Тренер беснуется на поле:

— Клер, внимательнее! Один неверный шаг отделяет успех от неудачи.

Я выпрямляюсь и пытаюсь сконцентрироваться.

Знакомый смех нарушает утреннюю тишину.

— Ты не замерзла на каникулах, Сардж? Тебя даже улитка поймала бы — так ты плетешься.

На прямом участке трека меня догоняет Крис.

Я делаю глубокий вдох и отвечаю:

— Заткнись, Крис.

Мой лучший друг хохочет еще громче. Ровный ритм его шагов и дыхания мешает мне найти свой ритм. Его присутствие отвлекает меня, как всегда. Высокий, с выгоревшими волосами и синими глазами, Крис не просто лучший бегун, но еще и образцовый мальчик-атлет Оппортьюнити. В начале семестра все новенькие девчонки с ним заигрывают.

¹ Игра слов: opportunity — возможность (англ.).

Когда Крис рядом, мои шаги укорачиваются. Остальные три члена нашей команды далеко позади. Они на другой стороне поля. Мы с Крисом движемся идеально синхронно, и сам воздух расступается перед нами.

Ничто не может коснуться нас. Ни снег. Ни даже время.

ТОМАС

Время поджигает. Маленькие часы на книжной полке играют раздражающий мотивчик. Десять часов. Я вырублю его со скоростью звука. *Ну же, ну же, ну же...*

Суперклей, хитроумно нанесенный на ящики стола моего любимого учителя испанского языка, мистера Посмотрите-ка-На-Ходячий-Кризис-Среднего-Возраста, очень быстро привел нас с Фаром в административный офис. Не сумей мы взломать замок на двери директора Трентон, пришлось бы расстаться с ученическими билетами. И все это будет зря, если я не смогу найти нужную папку. Я просматриваю папки в шкафу. Когда в мой бок впивается локоть, я возмущаюсь:

— Черт, Фар! Что за хрень?

Фарид закатывает глаза и жестом показывает, чтобы я говорил потише. *«Кто-то в коридоре»*, — беззвучно шепелит он губами и на цыпочках подходит к двери.

Вот гадство!

И как это объяснить? «Нет, мэ, я не делал ничего такого, только влез в школьные документы?»

Да все равно. Уверен, у меня есть законное право увидеть свои документы, так что всегда можно сказать это в свою защиту. И хотя в моих руках папка с надписью «Фамилии: А — В» вместо «Фамилии: М — Н», так это всего лишь совпадение. Никто не знает, чьи документы я ищу, только Фар. И даже он не знает истинной причины.

В любом случае я всегда могу «найти» Аль-Сахар, Фарид — в качестве прикрытия.

Тишина.

Дверь в административный офис открывается и закрывается. Щелкает замок.

Под чьими-то ногами скрипит линолеум.

Шаги затихают перед дверью кабинета директора.

Я тихо закрываю ящик с папками. Лучше не напрашиваться на неприятности — на *новые* неприятности, если меня поймают с поличным.

Мы с Фаром затаиваем дыхание.

Через минуту, которая кажется нам вечностью, шаги удаляются.

Кто бы это ни был, ему не удалось нас поймать. Не сегодня.

ОТЕМ

— Все зависит от решений, которые вы принимаете сегодня и каждый день. Ваше поведение отражается не только на вас, но и на ваших родителях, семье и школе. Здесь, в Оппортьюнити, мы гордимся тем, что формируем

докторов, адвокатов и политиков завтрашнего дня. И выбор, который вы сделаете сегодня, определит ваше будущее. Вы должны задуматься, как проявить себя с лучшей стороны. Спрашивайте себя, не что школа может сделать для вас, а что *вы* можете сделать для школы.

Трентон держит микрофон очень свободно, но взглядом цепко обшаривает толпу, словно запоминая каждое лицо. Ученики приходят и уходят, не оставляя после себя даже легкого воспоминания, кроме имен, нацарапанных на партах и в кабинках туалетов. Но она знает нас всех.

Все наши надежды. Все наши трагедии. Все наши бессонные ночи.

Ее взгляд останавливается на мне, и мои щеки заливают румянец. Я наклоняюсь к стулу справа, но взгляд не отстает, точно такой же, как в начале собрания. Пустой.

Слева Сильв стонет:

— После всех этих лет ты думала, она скажет что-то более оригинальное?

— Разве ты не хочешь проявить себя с лучшей стороны? — мои слова звучат резче, чем мне хотелось бы.

Сильв ворчит.

Вообще-то ей есть из чего выбирать. Сильв пригласили во все колледжи ее мечты. И я должна быть счастлива за нее. Я и счастлива.

Но для меня колледж — единственный способ вырваться из этой дыры. Я точно знаю, что отец не собирается оплачивать мое бегство. И уроки танцев. «Посмотри, что произошло с твоей матерью, — скажет он, словно

я не считала дни, часы, минуты со дня той катастрофы. — Танцы забрали у нее все. Моя дочь никогда не будет этим заниматься. Пока я способен это остановить».

И он пытается остановить меня каждый день. А когда мама ушла, его самого остановить стало некому. Ни в пьянстве. Ни в рукоприкладстве. Некому сохранить нашу семью от распада.

Я сжимаю щербатую кофейную чашку, вытаскиваю из-под стула джинсовую сумку и пытаюсь забыть голос Тая. Брат сказал бы, что слова директора Трентон куда справедливее, чем мне кажется, что мир лежит у моих ног и только я могу сделать свое будущее самым лучшим.

Я попыталась — и проиграла. А теперь предпочитаю сбежать.

СИЛЬВ

Я вжимаюсь в стул и смотрю на пустое место рядом с Отем. Он вообще не пришел. Он должен был уже прийти. Он не придет, а даже если придет, не вспомнит про меня. Я ничего не значу. По крайней мере, для него.

Он не придет.

Узел в животе то сжимается, то расслабляется с ходом моих мыслей. Я могла бы спросить у Отем про Тайлера, но она погрузилась в воспоминания. Сегодня два года с той катастрофы. Она не хочет делить свое горе со мной — и ни с кем другим. Даже когда улыбается, она совсем не та, какой была прежде.

И я скучаю по ней.

Иногда, когда ей кажется, что никто не смотрит, она движется по коридорам словно летит. La golondrina, как ее называла Mamá. Ласточка. Воплощенная грация и красота. Когда Отем танцует, все ее тревоги исчезают, и она светится.

Как бы я хотела, чтобы она танцевала вечно.

Madre de Dios¹, как бы я хотела вечно смотреть на ее танец.

Но сегодня очередной понедельник. Жизнь продолжается. Собрание кончилось, и Отем выпрямляется, как шомпол. Я — единственная, кто знает, что она выпорхнет из этой клетки и оставит нас позади, как только сможет.

А меня поджидает зачет по американской истории, но я даже книги в руки не брала. Mamá снова не в себе. В прошлую субботу мы должны были вместе ехать в город, но когда Абуэло (дед) подал машину, она его не узнала. Она не хотела выходить из дома и не понимала, куда мы собираемся. Я несколько часов просидела с ней. Я разговаривала с ней — послушай, Mamá... Я рассказывала ей истории, которые скрепляли нашу семью вокруг нее. Она долго не приходит в себя после таких приступов, а я не могу избавиться от чувства, что с каждым днем она ускользает все дальше, как звездный свет на рассвете.

Ну хоть с историей все нормально. Там всегда известно, что все закончится хорошо.

¹ Богородица (исп.).

Си Джей Джонсон

@CadetCJJ

Спааааать.

10:01 AM

Джей @JEuck32 10:01 AM

В ответ @CadetCJJ

#снежныйденькаксегодня

Си Джей Джонсон @CadetCJJ 10:01 AM

В ответ @JEuck32

На собрании будешь спать?

>_> #большепохоженапохмелье

Си Джей Джонсон @CadetCJJ 10:02 AM

В ответ @Клер_Морган

Можно попросить младших, чтобы принесли мне кофе?

ГЛАВА ВТОРАЯ

10:02 — 10:04

ТОМАС

Я тянусь к вазе на столе и закидываю в рот мятные конфетки. Фар сторожит у двери. Когда он дает знак, что все тихо, я снова открываю шкаф с документами. Работы немного. Нужно только время.

Директор Трентон, похоже, все еще живет в доцифровую эпоху, но она сама — как киборг. Она всегда говорит ровно до десяти, оставляя пять минут до звонка на объявления. К концу собрания все разбегаются, чтобы попасть в классы к третьему уроку. Ну, теоретически. Учителя и остальной персонал тоже в зале, и они не торопятся.

Все поднимаются, чтобы уйти, потом шагают, тащатся, выскальзывают, чтобы затянуться или вдохнуть воздуха (*одно не исключает другого, спасибо большое*). В конце концов, даже никотин и деготь пахнут лучше, чем наш актовый зал, где царит уникальный запах тестостерона, пота и горелого кофе.

Но мы заходим слишком далеко.

— Ненавижу бумажки.

— Может, тебе стоит остаться на ферме, — подначивает Фарид. — Честная работа и тяжелый труд мозгов не требуют.

— Издеваешься.

Пальцы мои нащупывают его папку, и я вытаскиваю ее из ящика.

— Хочешь посмотреть рекомендательное письмо мистера О'Брайена к твоим заявлениям в колледж?

Фар протягивает руку, и я передаю ему документы. Несколько листов выпадают из папки, прежде чем он ее подхватывает.

— Варвар.

Я фыркаю.

— Прости. Нет, не стоит.

— На этом снимке я такой юный и невинный, — вздыхает Фарид, глядя на обложку.

У большинства из нашего класса на обложке старая фотография, сделанная три года назад, когда мы были еще новичками. Но в его случае...

— Эту фотографию сделали в последний год!

— Как ты меня развращаешь! Без твоих блестящих идей я был бы нормальным отличником, не имел бы проблем с законом, да и девушки возле меня увивались бы.

— Ну конечно... — Я достаю из шкафа другую папку. — Рассказывай.

Фарид что-то бормочет под нос, но я не обращаю внимания.

С обложки на меня смотрит знакомая фотография.

Бинго.

Браун, Тайлер. Напомаженные светлые волосы, блеклые глаза и такой знакомый пустой взгляд. Единственный раз в его глазах не было презрения, когда я зажал ему голову в шкафчике. Руки чешутся повторить.

Интересно, делает администрация отметку в ученических документах о правонарушениях? Наверное, нет, раз эти документы так легко получить. И уж точно ничего нет, если ученика отчислили в конце выпускного года. Кроме того, я даже не знаю, были ли у него правонарушения. Судя по оценкам, Тайлер вполне благополучный троечник. Три года в Оппортьюнити, и все три без происшествий.

Вот только Гуманитарный курс 101 он провалил с треском.

Последняя запись в его документах недвусмысленна.

Восстановлен. С сегодняшнего дня.

Сильвия говорила об этом в выходные. Впервые за несколько месяцев она доверилась мне. Ее чуть ли не выворачивало, так она была напугана, но не сказала почему. И вот мне приходится рыться в школьных документах. Чтобы убедиться, что она в безопасности. Долг брата-близнеца.

Я никогда не признаю и даже не намекну, что для меня это важно.

Репутация брата-близнеца.

Я прислоняюсь к столу директора и читаю.